

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.11; 341.01; 341.3; 355.02

EDN: GEMQFD

doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-3

ПРОБЛЕМАТИКА СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СВ. ФОМЫ АКВИНСКОГО И ГУГО ГРОЦИЯ

Ирина Сергеевна Лялина¹, Сергей Викторович Королев²

^{1, 2}Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

¹irlyalina@yandex.ru

²sko.05@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* «Блаженны миротворцы», – говорится в Нагорной проповеди. Евангельский статус миротворцев имеет бесспорную коннотацию с вечностью. Отсюда, с одной стороны, следует, что проблема мира является в принципе неустранимой из нашей повседневности. С другой стороны, она имеет референтную связь с проблемой войны. Иначе говоря, не существует проблемы мира как таковой. Существует проблема *войны* и мира. Другими словами, термин «мир» в техническом смысле означает «отсутствие войны», а именно ее прекращение. Соответственно, проблематику мира необходимо исследовать в терминах права, и прежде всего в терминах справедливости. В контексте заявленной темы невозможно формулировать вопрос о мире без рассмотрения проблематики 1) справедливого объявления войны, 2) справедливого ведения войны и 3) ее справедливого окончания. Целью данного исследования является попытка противопоставить классическую концепцию «справедливой войны» в духе Св. Фомы Аквинского и Гуго Гроция современной парадигме партикулярных концепций военных операций типа доктрины ядерного сдерживания, так называемой оборонительной (ненаступательной) доктрины, доктрины превентивного удара и т.п. *Материалы и методы.* На примере классического наследия Ф. Аквинского и Г. Гроция авторы постарались восстановить концептуальную связь в осмыслении феномена войны от схоластики через Новое время до современности. При этом были использованы исторический, систематический, сравнительный и формально-юридический методы. *Результаты.* Благодаря разнообразию применяемых методов установлена функциональная связь между понятиями «справедливая война» и «легальная война», а также выявлена фрагментированность современных национальных концепций военных операций. *Выводы.* Устранению указанной фрагментации может способствовать интеграция классических доктрин справедливой и легальной войны в современную парадигму политического сознания, по крайней мере, тех государств, которые придерживаются этической компоненты в своей внутренней и внешней политике.

Ключевые слова: теория права, справедливая война, легальная война, теория международного права, современные национальные доктрины внутренней и внешней политики

Для цитирования: Лялина И. С., Королев С. В. Проблематика справедливой войны в творчестве Св. Фомы Аквинского и Гуго Гроция // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 22–29. doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-3. EDN: GEMQFD

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

THE CONTEXT OF “JUST WAR” IN THE WRITINGS OF ST. THOMAS AQUINAS AND HUGO GROTIUS

Irina S. Lyalina¹, Sergey V. Korolev²

^{1,2}Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹irlyalina@yandex.ru

²sko.05@mail.ru

Abstract. *Background.* “Blessed are the peacemakers” – postulates one of the verses in the Sermon of the Mount. The evangelic status of peacemakers reveals their undeniable connotation with the eternity. On the one hand, it follows that the problem of peace cannot be removed from our lives. On the other hand, the problem of peace refers to the problem of war. Otherwise, there is no problem of peace as such. There is always a joint problem of war and peace. In other words, the notion of peace in its technical sense designates the absence of war and, first of all, its termination. Accordingly, the problem of peace must be investigated in terms of law and, mainly, in terms of justice. In the context of work it is impossible to approach the problem of war and peace bypassing the problem of 1) just declaration of war, 2) just conduct of war and 3) just termination of war. The aim of the work is an attempt to confront the classical doctrine of just war inspired by St. Thomas Aquinas and Hugo Grotius with the modern paradigm of fragmented particular concepts of military operations such as a doctrine of nuclear deterrence, a defensive (non-offensive) doctrine, a doctrine of pre-emptive strike and alike. *Materials and methods.* Focusing on the classical heritage elaborated in the works of St. Thomas Aquinas and Hugo Grotius the authors make efforts to re-establish the conceptual continuum in understanding the phenomenon of war from the scholastic era through Modern Times till modernity. In order to fulfil this task they apply the historical approach, systematic method, comparative method and legal analysis. *Results.* Due to synergetic multiplicity of the applied methods the authors ascertain the functional ties between the terms “just war” and “legal war”, as well as detect the fragmented nature of modern national doctrines of military operations. *Conclusions.* The authors hold that the said fragmentation may be eliminated by integrating the classical doctrines of “just war” and “legal war” into the modern paradigm of political consciousness, at least in those states, which adhere to the ethical measurement of their respective domestic and foreign policies.

Keywords: legal theory, just war, legal war, international law theory, modern national doctrines of domestic and foreign policy

For citation: Lyalina I.S., Korolev S.V. The context of “just war” in the writings of St. Thomas Aquinas and Hugo Grotius. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2023;11(1):22–29. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-3

Согласно изречению Карла фон Клаузевица война есть продолжение политики, но только другими средствами [1]. Однако понятие «справедливая война» вызывает ассоциации не только с политикой в ее современном смысле, но и с этикой и идеей права. Поскольку политическая теория Нового времени с Никколо Макиавелли [2] однозначно отделила себя от античной и схоластической *этики*, современное политическое сознание с трудом вмещает в себя этическую компоненту войны. Однако именно на этой компоненте зиждется концепция справедливой войны Св. Фомы Аквинского [3]. Казалось бы, термин «война» легко стыкуется с идеей права, прежде всего международного. Достаточно при этом вспомнить о том, что основатель современной теории международного права Гуго Гроций назвал свой главный

юридический труд «О праве войны и мира» [4]. В творчестве Св. Фомы Аквинского понятие «справедливая война» не является автономным, или самодостаточным. Акцент здесь следует делать на прилагательном, а не на существительном. Прежде всего необходимо вкратце рассмотреть томистскую теорию добродетелей. Они, согласно Аквинскому, представляют собой двухступенчатую иерархию, которая синтезирует три христианские (теологические) добродетели с четырьмя античными добродетелями, восходящими к этике Платона и Аристотеля.

Христианскими (теологическими) добродетелями являются вера, надежда и любовь. Последнюю Св. Фома Аквинский обычно рассматривает в терминах милосердия, точнее, индивидуальных *актов* милосердия. Христианские добродетели являются Божьим даром. Они сверхъестественны по происхождению: их нельзя приобрести посредством образования (обучения) или же посредством повторяющихся актов правильного поведения. Христианские добродетели не являются ни результатом правильного образования, ни манифестацией правильных привычек [5, p. 92].

Ниже христианских добродетелей, которые первым сформулировал Св. апостол Павел, в томистской иерархии располагаются так называемые кардинальные, или главные добродетели, определяющие *специфический характер* каждого индивида. Кардинальные добродетели восходят к Платону, но впервые были систематизированы Аристотелем. К ним относятся смелость, справедливость, воздержанность (умеренность) и благоразумие (осмотрительность).

Для Аквинского как христианского богослова кардинальные добродетели таинственным образом «просвечены» Божьей благодатью. Христианские добродетели – вера, надежда и любовь – представляют собой триединство. Они не «работают» по отдельности. Что касается взаимодействия кардинальных добродетелей, здесь не все так однозначно. В контексте христианского богословия человек без Божьего окормления легко может перепутать отвагу со смелостью. Но отважный акт в поведении своего носителя легко может затмить и воздержанность, и благоразумие, и справедливость.

Синтетическая этика Аквинского фактически постулирует тезис о том, что без веры, надежды и любви невозможны адекватные акты смелости, справедливости, воздержанности и благоразумия. Однако возникает вопрос: может ли язычник или иной нехристианин, который по определению не руководствуется в своем поведении образами и метафорами Евангелия, совершать правильные акты в духе кардинальных добродетелей? Согласно Евангелию на этот вопрос нельзя отвечать отрицательно. Но почему же такое в принципе возможно, неискушенные в богословии христиане обычно отвечают так: «Пути Господни неисповедимы».

Согласно учению Св. Фомы Аквинского поведение человека нельзя адекватно интерпретировать как серию *дискретных* (фрагментированных) актов, когда вчерашний смелый акт сменяется сегодняшним актом трусости или благоразумный акт сегодня уступает место решению «воздержаться от благоразумия» завтра. Напротив, человеческое поведение следует рассматривать как некий (беспрерывный) континуум, в котором постоянно доминируют акты, продиктованные господствующими чертами характера. При этом нередко речь идет о господстве пороков, а не добродетелей.

В рамках христианской этики душа человека есть поле битвы между пороками и добродетелями. Благодаря Божьей благодати человек всегда может уповать на Бога в укреплении своей веры, надежды и любви. Однако при этом особая заслуга Св. Фомы Аквинского заключается в утверждении того, что вера, надежда и любовь могут укреплять и четыре кардинальные добродетели, особенно четвертую из них, а именно благоразумие [5, p. 92]. Данное обстоятельство имеет особое значение для анализа томистской концепции справедливой войны.

Для Св. Фомы Аквинского концепция справедливой войны по определению является *casus specialis* (лат. «частный случай») его концепции справедливости, которая в свою очередь оказывается составной частью его теории права. Таким образом, к понятию справедливой войны в понимании Аквинского, на наш взгляд, следует приближаться через его определение права как «распоряжения (*ordinatio*) разума в целях общего блага, обнародованного (*promulgatio*) тем, кто несет ответственность за сообщество (*communio*)» [6, p. 329].

Аквинский по понятным причинам не был демократом в современном понимании. Прежде всего, он был христианским мыслителем, поэтому руководитель государства в его понимании несет ответственность не перед подданными, а перед Богом. Соответственно, война как инструмент справедливости 1) должна быть совместима с велениями разума, которым руководитель государства, как и прочие люди, наделен от Бога; 2) должна ограждать общее благо, а не партикулярный интерес кого бы то ни было; 3) не должна деградировать в *несправедливую* войну, за которую руководителю государства придется отвечать перед Богом.

Помимо идеологических, т.е. христианских, аргументов в проблематике войны Св. Фоме Аквинскому удалось разработать *объективные* критерии определения того, является ли война справедливой или нет. *Первый* критерий справедливой войны по Аквинскому носит формальный характер: только *legitima auctoritas*, т.е. легитимный носитель публичной власти, может ее объявить. *Второй* обязательный критерий – это *iusta causa*, т.е. справедливая причина. Ее Аквинский определяет как обиду, или, говоря по-древнерусски, как кривду со стороны государства-обидчика, которая дает основания для справедливых требований об исправлении возникшей несправедливости. Справедливая причина появляется тогда, когда мы, по Аквинскому, атакуем тех, кто этого заслуживает по причине совершенных ими злодеяний, которые они отказываются – или не умеют – исправить. *Третий* критерий справедливой войны – *recta intentio*, т.е. справедливое, можно даже сказать, прямодушное намерение. Другими словами, легитимный инициатор справедливой войны, имеющий на то справедливую причину, должен преследовать правильную, т.е. нелукавую цель. Ее нельзя НЕ одобрить с точки зрения простого *чувства* справедливости, не допускающего кривотолков и лукавой рационализации [7, р. 284–287].

Ясно, что в объем содержания понятия «справедливая война» помимо актов справедливости по необходимости входят акты смелости, воздержанности и благоразумия (осмотрительности). На последнем обстоятельстве следует сделать акцент: справедливый военачальник – это прежде всего *благоразумный*, или *осмотрительный*, руководитель. Своим благоразумием он постоянно контролирует свою же смелость, обеспечивает справедливость и практикует воздержанность в отношении неприятеля.

Теперь попробуем сравнить трехчастный канон справедливой войны Аквинского с позицией Гуго Гроция. Наследие Гроция мы будем анализировать, прежде всего, технически, формально, а именно в том плане, насколько его критерии «справедливой войны» перекликаются с тремя аналогичными фундаментальными критериями Фомы Аквинского и конкретизируют или дополняют их.

В своем опусе «О праве войны и мира» Гроций сфокусировал внимание на *процессе*, или на динамике, войны. «Его целью было написать трактат о правовом регулировании войны в трех измерениях: объявление войны, ведение войны и окончание войны» [8, р. 433]. Поздняя схоластика вполне в духе Аквинского толковала справедливую войну как *executio juris*, т.е. как исполнение права. Речь идет об одностороннем акте самопомощи с целью силового восстановления права, несправедливо нарушенного неприятельским государством. Однако средневековые *цивилисты* разработали альтернативную концепцию так называемой *легальной* войны.

Соответственно, Гроций унаследовал две различные концепции войны. С одной стороны, в его распоряжении была схоластическая доктрина справедливой войны как одностороннего принуждения к праву, точнее принуждения к справедливости, скажем, отпетого злодея, как ни парадоксально это звучит. С другой стороны, как адвокат Гроций не мог игнорировать и менее пафосную цивилистическую концепцию легальной войны как равноправного состязания враждующих государей с целью разрешения спора по поводу субъективного права, выдвигаемого одной стороной конфликта и в принципе оспоримого другой стороной [8, р. 439].

Гроций не стал противопоставлять схоластическую доктрину справедливой войны цивилистической доктрине легальной войны. Он попытался их синтезировать. При этом он опирался на разработанную им же *дуалистическую* концепцию международного права. Она до сих

пор господствует в международном праве и сводится к следующему: с одной стороны и в первую очередь, система международного права зиждется на теории естественного права, вечного, неизменного и обязательного для всех времен и народов. С другой стороны, бесспорной спецификой международного права является его волюнтаристический аспект, или договорный характер [9, p. 458].

В последнем случае договаривающиеся стороны сами определяют характер и способы их взаимодействия посредством двух- и многосторонних пактов, конвенций и т.п. В результате корпус международного права (МП) зиждется на двух столпах – международном естественном праве и международном волюнтаристическом праве. В первом корпусе МП господствует объективный, неизменный ракурс, во втором – субъективный, а именно волюнтаристический, изменчивый подход.

Соответственно, в первом корпусе МП воли сторон несущественны, во втором – как раз волеизъявления сторон определяют специфику международного взаимодействия. Волюнтаристическое международное право, по Гроцию, является субсидиарным по отношению к естественному международному праву. В тех случаях, когда жесткие императивы естественного права проявляют свою нереализуемость в некой типовой ситуации, стороны могут включить механизм более гибкого волюнтаристического, т.е. договорного, международного права.

В контексте права вооруженных конфликтов, разработанного Гроцием, схоластическая, или каноническая, доктрина *справедливой* войны основана исключительно на теории естественного права и оперирует категориями «добра и зла». В рамках этой доктрины сторона конфликта, отстаивающая справедливость, преследует цель воздаяния, или наказания, противоположной стороне как «цитадели зла». При этом справедливая сторона конфликта должна быть носителем правильной ментальной установки, т.е. бескорыстного желания восстановить справедливость [9, p. 457]. Проблема доктрины справедливой войны заключается в том, что она приводит к патовой ситуации, поскольку ни одна из сторон конфликта, пока она обладает соответствующими военными, людскими и хозяйственными ресурсами, не захочет признать себя «несправедливой» стороной.

Цивилистическая же доктрина *легальной* войны, по Гроцию, является, как сказано, вспомогательной (субсидиарной). Она не является намеренно карательной, а сфокусирована на идеях реституции или компенсации. Цивилистическая доктрина легальной войны применяется в тех случаях, когда бескомпромиссные императивы естественного права по тем или иным причинам «не работают», поскольку не может быть компромисса между добром и злом. В таких случаях, по мнению Гроция, следует включать механизм волюнтаристического, т.е. договорного международного права.

Таким образом, при невозможности применения канонической (схоластической) доктрины справедливой войны цивилистическая концепция легальной войны, по Гроцию, должна создавать лабильную, но более или менее предсказуемую сферу взаимодействия участников вооруженного конфликта. Здесь надо указать на то, что важнейшей предпосылкой функционирования волюнтаристического международного права является принцип равенства сторон.

Отрицательной стороной является то, что это приводит к тому, что в рамках волюнтаристического международного права любая сторона свободна отказать в партнерстве другой стороне, т.е. просто не считать эту сторону **договородостойной**. Если при таком раскладе сторона-отказник одновременно считает для себя нормы естественного международного права слишком жесткими или «нецелесообразными», то в отношении недоговородостойного сообщества допустимы любые средства (например, взятие заложников, расстрелы военнопленных, убийства и грабежи населения и т.п.).

На наш взгляд, как этико-рациональные аргументы Св. Фомы Аквинского, так и дуалистическая концепция войны Гроция могут быть востребованы в современных национальных доктринах вооруженных конфликтов. Впрочем, на уровне современного государственного позитивного права мы вряд ли найдем формальные законы, т.е. акты национального парламента, которые бы явно регулировали «войну» как таковую.

Приходится констатировать, что национальный политический дискурс, особенно в части военных доктрин современных государств, живет в параллельном пространстве, никак

не пересекаясь с наследием Св. Фомы Аквинского и Гуго Гроция. Современная парадигма национальных военных доктрин уже не оперирует терминами «справедливая война» или «легальная война». Она осциллирует между двумя полюсами: условно милитаристской (гегемониальной) интерпретацией *собственных* военных операций на одном полюсе и их условно оборонительной интерпретацией на другом полюсе.

Однако существуют национальные военные доктрины, которые представляют собой некий «компромисс» между двумя указанными полюсами. При этом так называемая оборонительная интерпретация военных операций со стороны соответствующего государства может включать в себя аспекты военной *инициативы*. В качестве примера можно привести концепцию превентивного удара Израиля.

Согласно этой концепции государство Израиль допускает предупреждающее силовое воздействие на кластеры военных угроз, расположенные на территории сопредельных или просто недружественных государств. Такой же эффект имеют и так называемые карательные операции вооруженных сил Израиля в ответ на военные удары по его территории и особенно по гражданскому населению. Формально концепцию превентивной войны этой страны можно рассматривать как *casus specialis*, т.е. как особый случай мимикрии или контаминации милитаристской концепции (агрессивной) войны. Но, с другой стороны, пример Израиля свидетельствует о том, что оборонительные доктрины некоторых современных государств совместимы с традиционной концепцией «справедливой войны».

В контексте позитивного права *юридический* парадокс понятия «справедливая война» заключается в том, что в нестрогом смысле допустимо говорить об *объективном* праве справедливой войны, например в части законодательного оформления некоторых деталей национальной военной доктрины. Однако в контексте юридического позитивизма бессмысленно говорить о *субъективном* праве справедливой войны. В противном случае государство, ставшее объектом, или «восприимчиком», справедливого военного воздействия со стороны другого государства, должно считать себя обязанной стороной, претерпевающей это воздействие по справедливости.

Как сказано ранее, в ходе ведения войны ни одна из противоборствующих сторон не считает себя «несправедливой». Лишь акт *капитуляции* проигравшей стороны можно косвенно – и *post factum* – интерпретировать как своеобразный «акт раскаяния» в совершении злодеяний. Но обычно такая интерпретация будет носить искусственный характер, поскольку государства – не индивиды, чтобы иметь саму способность испытывать раскаяние.

Возвращаясь к Аквинскому и Гроцию, было бы интересно сопоставить каноническую доктрину справедливой войны и цивилистическую концепцию легальной войны в терминах дихотомии «объективное право – субъективное право». Идея «справедливой войны» основана на разграничении понятий «добро» и зло», поэтому она по определению неуязвима для юридической критики. Либо вы вместе с Фомой Аквинским не сомневаетесь в загробном воздаянии за все ваши грехи, либо вы отметаёте его аргументы справедливой войны как теологическую шелуху. В любом случае юридические аргументы здесь не подходят.

Другое дело – цивилистическая концепция легальной войны в духе Гуго Гроция. Если стороны признают друг друга договородостойными, то им никак не обойтись без понятия юридической обязанности. Отсюда возникает симметричная констелляция прав и обязанностей: если у одной стороны есть субъективное право на ведение легальной войны, то у противоположной стороны должна быть корреспондирующая обязанность, по крайней мере, допускать наличие такого права у неприятеля, претерпевать его, и наоборот.

Если же в рамках волюнтаристического международного права одна из сторон вооруженного конфликта рассматривает другую сторону в принципе НЕдоговородостойной и при этом усугубляет ситуацию тем, что не считает себя связанной нормами естественного международного права (уничтожает «вражеское» гражданское население, не соблюдает права военнопленных и т.п.), то своим поведением сторона-отказник демонстрирует свою неспособность быть в *принципе* участником международных отношений.

В этой ситуации все действия (не только военные акции) со стороны государства, противоборствующего такому отказнику, можно воспринимать менее пафосно, т.е. не как

принуждение «злодейского государства» к соблюдению справедливости, а как принуждение государства-отказника к осознанию самой *идеи правопорядка*. Другими словами, так называемая легальная война в духе Гроция представляет собой средство принудить конфликтующее государство, отвергающее принцип «*pacata sunt servanda*» (лат. «договоры надо соблюдать»), к осознанию попорченной им идеи право(порядка) как системы взаимосвязанных и корреспондирующих прав и обязанностей не только на уровне международного права, но и в рамках собственной (внутренней) юрисдикции.

Соответственно, субъектами такой легальной войны являются вовсе не «носитель справедливости», с одной стороны, и «злодейское государство» – с другой, а государство, которое подчиняет себя идее права и, в частности, соблюдает принцип «*pacata sunt servanda*», и государство, не желающее или не умеющее считаться с идеей правопорядка как в своих внутренних делах, так и в международных. На наш взгляд, именно легальную войну в духе Гроция имел в виду Карл фон Клаузевиц, когда утверждал, что война есть не только акт политики, но и ее *инструмент* [1].

Заключение

Известное изречение «Любая война когда-нибудь заканчивается» можно конкретизировать следующим образом: «Объективно – исторически уже неважно, как война началась – справедливо или несправедливо». Это замкнутый круг идеологического противостояния и на это уже невозможно повлиять. Важнее, какими способами она ведется. На этот процесс как-то можно воздействовать и самим участникам, и третьим лицам. Но самое главное, как именно война заканчивается. Отсюда, быть может, абсурдный вывод: справедливость войны оценивается по тому, насколько справедливо она была прекращена.

В контексте международного права это означает, насколько великодушие победителя сможет нейтрализовать ненависть и озлобленность проигравшего. Фактор справедливости при этом объективно сфокусирован на проигравшей стороне. Речь идет о том, насколько проигравшей нации, т.е. народу, а не так называемой элите, будет предоставлен шанс «спасти лицо». В истории международного права можно найти интересные механизмы трансграничного примирения, но это уже отдельный вопрос, который заслуживает особого рассмотрения.

Список литературы

1. Clausewitz C. *On War* [1832]. North Charlston : Independently Published (CreateSpace), 2021. 326 p.
2. Machiavelli N. *The Prince* [1513]. North Charlston : Independently Published (CreateSpace), 2021. 114 p.
3. St. Thomas Aquinas *Essential Writings* / ed. by J. Laney. North Charlston : Independently Publishing (CreateSpace), 2017. 292 p.
4. Grotius H. *On the Law of War and Peace* [1625]. Whitefish : Kessinger Publishing, 2010. 348 p.
5. Hood J. Y. *The Essential Aquinas. Writings on Philosophy, Religion, and Society*. Westport etc. : Praeger, 2002.
6. Sigmund P. E. *Law and Politics // Thomas Aquinas: Contemporary Philosophical Perspectives* / ed. by Brian Davies. Oxford : Oxford University Press, 2002.
7. Finnis J. *Aquinas: Moral, political and Legal Theory*. Oxford : Oxford University Press, 1998.
8. Lesaffer R. *The Laws of War- and Peace-Making // The Cambridge Companion to Hugo Grotius* / ed. by R. Lesaffer and J. E. Nijman. Cambridge : Cambridge University Press, 2021.
9. Neff St. C. *The Law of Armed Conflict // The Cambridge Companion to Hugo Grotius* / ed. by R. Lesaffer and J. E. Nijman. Cambridge : Cambridge University Press. 2021.

References

1. Clausewitz C. *On War* [1832]. North Charlston: Independently Published (CreateSpace), 2021:326.

2. Machiavelli N. *The Prince [1513]*. North Charlston: Independently Published (CreateSpace), 2021:114.
3. Laney J. (ed.). *St. Thomas Aquinas Essential Writings*. North Charlston: Independently Publishing (CreateSpace), 2017:292.
4. Grotius H. *On the Law of War and Peace [1625]*. Whitefish: Kessinger Publishing, 2010:348.
5. Hood J.Y. *The Essential Aquinas. Writings on Philosophy, Religion, and Society*. Westport etc.: Praeger, 2002.
6. Sigmund P.E. Law and Politics. *Thomas Aquinas: Contemporary Philosophical Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
7. Finnis J. *Aquinas: Moral, political and Legal Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
8. Lesaffer R. The Laws of War- and Peace-Making. *The Cambridge Companion to Hugo*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
9. Neff St.C. The Law of Armed Conflict. *The Cambridge Companion to Hugo Grotius*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021.

Информация об авторах / Information about the authors

И. С. Лялина – кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора международного права, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

С. В. Королев – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора международного права, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

I.S. Lyalina – Candidate of Law, Researcher of the International Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka street, Moscow, 119019.

S.V. Korolev – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the International Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka street, Moscow, 119019.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 28.01.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.02.2023

Принята к публикации / Accepted 27.02.2023